

СОДЕРЖАНИЕ

СМЕРТЬ ПОД ТРАКТОРОМ.....	5
СТРАХОВОЧНЫЙ ВАРИАНТ	29
ОТСУТСТВИЕ ДОКАЗАТЕЛЬСТВ	93
ОХОТА НА КРЫС.....	163
ЦЕЛУЮ. ЛАРИН.....	249
БЛЮЗ ОСЕННЕГО ВЕЧЕРА	307
ВТОРЖЕНИЕ В ЧАСТНУЮ ЖИЗНЬ	379

Сначала была любовь.

Мы растворялись в нирване блаженства, как карамельки «Чупа-Чупс» на горячих губах, мы ныряли в бескрайний океан удовольствий, доставая до самого дна, кружились в водовороте безумных фантазий, подобно пузырькам в бутылке «Пепси». Я задышался в колдовских объятиях, целовал вишневые губы, наслаждался прелестью форм, сверкающей белизной зубов и ароматом бархатной кожи. Мне хотелось вопить от радости, как футболисту, забившему решающий мяч в финале Кубка Мира, как помилованному смертнику, как счастливому студенту, наконец сдавшему сопромат... Со сверхзвуковой скоростью я мчался к финальной точке этого безумного путешествия. Вон она, вон она сверкает и приближается. Я уже различал посадочные огни, задыхаясь от нетерпения. Еще немного... Еще чуть-чуть! Боже мой!.. Ну-у-у-у...

Потом был трактор.

Он проламывал стену своим ужасным ковшом-тараном, безобразно лязгая тяжелыми гусеницами. Он неотвратно надвигался на нас, сотрясая хрупкое пространство ревом раненого мотора и выплевывая из своего масляного чрева клубы ядовитого сизого дыма. Тракторист, яростно сжимая зубами потухший окурок «Беломора», смотрел на меня сквозь мутное лобовое стекло взглядом снайпера, поймавшего жертву в перекрестие прицела. Мы с криками отчаяния устремлялись к дверям, но безжалостная машина играючи разносила препятствие. Мы мчались дальше, боясь оглядываться назад, мчались, пока не упирались в глухую бетонную стену... Я пытался карабкаться вверх, но, не имея навыков альпиниста, раз за разом срывался. Я хотел просочиться сквозь бетон, хотел взлететь, но тщетно... Когда жар раскаленного двигателя уже обжигал спину, я поворачивался. Тракторист выплевывал окурок

в форточку и, по-сатанински улыбаясь, выжимал газ. Я в бессилии протягивал вперед немощные руки и, понимая, что через секунду превращусь в бесформенную лепешку, начинал орать...

Потом наступало утро. Я просыпался и минут пять лежал без движения, таращась в потолок. Вот уже третью ночь подряд мне снилось это сумасшествие. Любовь, прекрасная как музыка Шопена, в разгар которой вдруг появлялся ревущий бульдозер с очумевшим трактористом в кабине... Вчера я, порывшись в библиотеке, сваленной на антресоли, отыскал подаренный кем-то сонник. «Трактор — к плодородию и удаче». Хорошо хоть не к свадьбе. Сочинители.

Я взглянул на будильник. Пора. Моя свободолюбивая душа протестует против навязывания всяческих распорядков, но... Я на службе и вынужден подчиняться. Уже пятый день. Ровно в девять тридцать я обязан предстать перед карими очами господина майора, доложить о достигнутых успехах и рассказать о планах. Затем огрести справедливые замечания, ценные указания и идти в рабочий кабинет исполнять возложенные на меня обязанности оперуполномоченного уголовного розыска.

Полчаса хватает на мытье-бритье-бутерброд, еще час я курьёвничать в общественном транспорте. Ровно в девять двадцать я вваливаюсь в кабинет номер тринадцать районного отделения милиции и протягиваю руку своему соседу Евгению Филиппову, делящему со мной тяготы ментовской службы. Десять минут мы сплетничаем на непотребные темы, после чего следуем в направлении кабинета с латунной табличкой на дверях.

Шеф приветствует собравшихся господ ободряющим вступлением, заканчивая словами: «Вы у меня будете работать как надо, дармоеды», и приступает к индивидуальной беседе с каждым членом коллектива. Сегодня я сел неудачно, вторым после Евгения, который как всегда ловко ушел в сторону от жестких вопросов.

Чувствуется опыт. Лично я так и не понял, чем занимался вчера и чем будет заниматься сегодня мой коллега, но начальник остался вполне удовлетворенным.

Теперь мой черед удовлетворять.

— Кирилл, что по трактору?

Именно этого вопроса я почему-то и ждал. Хотя шеф, разнообразия ради, мог спросить меня о более наболевшем. К примеру, доволен ли я зарплатой или графиком дежурств. Или вообще — жизнью? А то опять трактор. К слову сказать, трактор, а точнее его угон, был первым происшествием, с которым мне пришлось разбираться после вступления в должность. Осчастливили меня этим материальчиком три дня назад. Первые двое суток милицейской карьеры я осматривался и учился, а на третьей мне сказали: «Амба!», поставив дежурить. И вот, когда я, сидя в боевой готовности, мечтал об ограблении банка, в кабинет ввалился небритый субъект в сером ватнике и кирзачах и, тряся руками, начал кричать о каком-то тракторе. Я предложил товарищу присесть и угостил водой из-под крана, после чего он немного успокоился, хотя руки трястись не перестали.

— Беда, беда, командир! — рвал товарищ фуфайку на груди. — Ты ж глянь, нулевая тачка, ну в смысле трактор! Муха не какала! Прямо со стройки дернули, козлы свинохвостые! Забор своротили! Че делать-то теперь?

— Начнем по порядку, строго хронологически.

— Хронически?

— Хронологически. Расскажите еще раз — где, когда и при каких обстоятельствах у вас пропал трактор. И кто вы, собственно, сам?

Тракторист, не спрашивая разрешения, закурил беломорину и, стряхивая пепел на пол, затарахтел:

— Я ж говорю, тракторист я. Гнатюк Петр Иванович. У нас тут стройка, на Малой Корытной. Магазин возводим, знаете, может? На той неделе, дай бог памяти, в четверг, я трактор новый получил. Прямо с базы. СМУ закупило три трактора, один вот мне достался. Бульдозер. Челябинского завода. Хорошая модель, десять тонн с места рвет...

Дальше потерпевший стал описывать технические характеристики и достоинства угнанного бульдозера, которые я, в целях экономии времени, опускаю.

— Вчера, часиков в семь вечера, я смену закончил, машину, ну то есть трактор, к бытовке поставил, закрыл и до дому. Сегодня прихожу — японский городской! Нет машины! Только стекла на земле валяются. И забор проломлен. А до забора след.

Я к сторожу — дежурит у нас пенсионер один — где, блин, трактор?! Он ластами разводит, не знаю, не знаю, ночью тихо было. Конечно, тихо, ежели два пузыря съешь. Тут не то что трактор, ядерную атаку проспишь. Я начальство предупреждал, что нормальную охрану надо, полстройки уже растащили...

— Скажите, Петр Иванович, — перебил я Гнатыка, — трактор был оборудован сигнализацией?

— Чего? — таращится на меня заявитель, будто впервые в жизни услышал про охранную сигнализацию.

— Я спрашиваю, сигнализация была? С брелочка или салонная?

— Да на кой ляд в трактор сигнализация! Кому он сдался?!

— Но его ж угнали, стало быть, сдался! А о сигнализации могли бы и позаботиться. Или крюк какой-нибудь на руль повесить.

— Нет в бульдозере руля. Рычаги только.

— Ну, на рычаг. Как, кстати, двигатель заводится? Ключом?

— Да... Но можно и проводочки замкнуть. Как в машине.

— Это единственный трактор на стройке?

— Нет, еще «Беларусь» старенький есть, но он на месте.

— А на угнанном тракторе только вы работали?

— Есть сменщик, Серега Федин, но он на больняке вторую неделю с язвой двенадцатиперстной кишки.

Слово «двенадцатиперстной» Гнатык произнес с глубоким чувством собственного достоинства. Не лох, разбираюсь...

— Хорошо, едем дальше. Трактор застрахован?

— Понятия не имею. Это в СМУ надо спрашивать.

— Раньше подобные факты наблюдались?

— Да первый раз такая беда! Командир, выручай! Без хлеба же остался!

— Вы подозреваете кого-нибудь? Может, что-то замечали необычное последнее время?

— Чего у нас подозрительного заметишь? Разве что прораб трезвым на работе появится. Это вот подозрительно.

— Я все понял. Сейчас сделаем осмотр места происшествия.

Сфотографируем, запишем, замерим. А вы передайте командирам, чтоб подготовили заявление на имя начальника отделения милиции и справку о стоимости трактора.

— Вы найдете его, товарищ следователь? — обжигающий, полный трагизма взгляд Гнатюка говорит об искренности чувств.

— Найдем, — твердо обещаю я, — вам повезло. Наше отделение специализируется на розыске тракторов. Собаку, можно сказать, съели. Не вы первый. Пойдемте на стройку.

В отличие от Евгения, который, подобно старине Шерлоку, пишет протоколы осмотров мест происшествий и раскрывает преступления не выходя из кабинета, я решил прогуляться на стройку и все увидеть собственными глазами.

Гнатюк поднялся со стула, выбросил окурочок папиросы под батарею и двинулся следом, громыхая грязными сапожищами по чистому отделенческому полу.

Спустя два часа я рассказывал Холмсу-Филиппову о своих сыскных достижениях. Как, едва не утонув в грязи, прополз от сторожки до забора, за которым следы гусениц обрывались, как тщательно собрал осколки стекла. Как обошел близлежащие строения, пытаюсь отыскать свидетелей (не нашел), как побеседовал с пенсионером-охранником, находящимся в тяжелом депрессивном состоянии... Как потом позвонил дежурному, потребовав объявить по городу план «Перехват», и услышал в ответ крайне оскорбительные выражения. Можно подумать, гаишнику запахло бульдозер на трассе тормознуть. Не одни ж «мерсаки» ловить?!

Евгений, не перебивая, выслушал, затем оттопырил нижнюю губу и сделал обобщающий вывод:

— Все это очень странно.

— Очень, — согласился я, — жду мудрого совета.

— Сторожа колоть надо, — подсажал напарник, — трактор — не велосипед, за руль не укаатишь. Не мог он не слышать. Вызывай, вместе побеседуем... Второе. Кому эта штуковина понадобилась? Я понимаю, «жигуля» дернуть или мотоцикл. Но бульдозер? Хотя... У меня на территории в прошлом месяце трансформаторную будку умыкнули, прямо со внутренностями... А трактор — штука в хозяйстве нужная: огород дачнику вспахать, бревна перетащить или еще что... Приватизация обратно. Любая частная строительная фирма на ура за полцены возьмет. Заводы ухитряются ворованные продать... Тут только одна надежда — на его величество.

— Не понял, на главк, что ли?

— На случай, — Евгений зевнул и вылез из-за стола. — Правда, ни одному менту не придет в башку проверять трактор на угон. А посему...

— «Глухарек»?

— Не исключено... Вот что еще сделай, — Филиппов взял со стола блокнот, — живет у меня в этом районе один человек. Помогает иногда, под настроение.

За два дня службы я успел заметить, что стукачей стукачами здесь называть не принято. В основном человечками. Иногда «барабанами».

— Человек не крутизна, так себе, но с братвой тусуется. И гопоту местную хорошо знает. Я ему брякну, а ты встреться, озадачь. Пускай поспрашивает, может, повезет, услышит что-нибудь. Человечка звать Славой.

Женька набрал номер, застал человека на месте и предложил ему под благовидным предлогом подойти сегодня в условленное место, то есть в отделение милиции, и спросить Ларина. Через час. Человек согласился.

— Да, кстати, Ларин — это я. Так, на всякий случай, чтоб не вносить путаницу.

Начальник отделения, выслушав мой доклад, по-отечески хлопнул меня по плечу и сказал:

— Что ж, Кирилл Андреевич. Считай, что это твое боевое крещение. Все в твоих руках. Надеюсь, что ты нас не подведешь. А мы посмотрим, не погорячились ли?

— С чем погорячились?

— Ну как с чем? Может, ты более полезен Родине в качестве врача. К примеру...

Последнее предложение произнесено с интонацией заботы. Вернее, озабоченности. Мне же весьма льстит крещение трактором. Крестным отцом, вероятно, будет тракторист Гнатюк.

И вот по прошествии трех пульей промелькнувших суток я сижу на утренней сходке и докладываю шефу о крещении. То есть о своих потугах в тракторном деле.

По стоящему в углу кабинета телевизору идет жизнеутверждающая комедия советского режима «Трактористы». А в моей головешке застряла совсем не соответствующая моменту битловская «Герл».

— Так что по трактору, Кирилл? — повторяет вопрос начальник.

Я распрямляю плечи, подражая Евгению, и уверенным голосом рапортую:

— На розыск трактора ориентирован личный состав и подсобные силы, проведен обход территории, трактор поставлен на учет в картотеку похищенных вещей. Дана ориентировка по городу. Проверен на причастность сторож стройки, а также ряд судимых, склонных к совершению аналогичных преступлений.

Женька тихонько бьет меня по ноге. «Не перебарщивай, старина... У нас нет судимых, склонных к угонам тракторов».

— Трактор нашелся? — грубо перебивает мой красивый рапорт шеф.

— Ну, я составил план, наметил мероприятия, — мне все-таки далеко до Женькиного мастерства по развешиванию лапши на командирские уши.

— То есть не нашелся... Хорошо, подождем еще день. Потом посмотрим.

После сходки я спросил у Евгения, что следует понимать под словами «потом посмотрим»?

— Ну, если трактор не найдется, скорей всего папа предложит тебе отказать угон.

— Это как?

— Ну, что трактор либо сам укатился, либо на детали развалился, либо еще как. Лишь бы состава преступления не наблюдалось.

— Да как он сам укатиться может?

— У нас уже сами укатывались автобусы, самосвалы, мотоциклы, а также различная бытовая техника. Никаких проблем.

Женька отчалил по делам. Я прикидываю с карандашом в руках, каким образом бульдозер мог укатиться сам. Не получается. Ни так ни этак. Нет у вас, товарищ Ларин, оперативной смекалки, зато что такое двенадцатиперстная кишка — хорошо знаете, в медицинском институте этому быстро учили. Опять для внесения ясности скажу, что в милиции я появился после окончания Санитарно-гигиенического института.

От проектирования трактора-самохода меня отрывает телефонный звонок. На связи — источник-барабан Слава, которого

я зарядил на поиск бульдозера. Слава не выговаривает букровку «эр», либо совсем проглатывая ее, либо меняя на «эл».

— Есть лазговол, — шепчет источник, будучи в полной уверенности, что шепот не прослушивается, — надо вст'етиться. Я сейчас с т'убы звоню. В час буду возле мет'о. Подходите.

— А на трубу-то зачем забрался? — хотел было спросить я, но не успел, источник отключил связь.

Тем не менее все идет как надо. Два дня назад, встретившись в условленном месте — ленинской комнате нашего отделения, мы с пользой потратили три часа драгоценного времени. Два первых из них я грузил Славе, что в районе совершенно страшное преступление, вся милиция на ушах, ожидается приезд министра (приезд действительно ожидался, правда, немного по иному поводу), введены планы «Перехват» и «Сирена». Поэтому если ты, голубь, что-то знаешь, то, пока не поздно, рассказывай. «Я готов, — попионерски вскинув руку, ответил Слава, — сп'ашивайте! Кого г'охнули?» — «Никого, — постучал по деревянному подлокотнику я, — трактор дернули. Со стройки. На Малой Корытной». Женькин помощник минуту тер татуированной ладонью ухо, после переспросил:

«Кого, гово'ите, г'охнули?» — «Да никого не грохнули!!! — не выдержал я. — Трактор сперли со стройки! С фигней такой металлической впереди, как ее... Бульдозер, короче! Понял?» — «Понял», — украдкой оглянувшись на портрет Ленина, кивнул Слава.

— Поспрашивай людишек, удочку закинь, мол, есть человек, желающий купить брату на день рождения трактор. Глядишь, кто-то проболтается. Мой телефон тот же самый, что и у твоего друга Евгения Филиппова. Жду.

И вот дождался. Позвонил человек.

Кожей чувствую, не простой это угон, а сложный. Слишком нагло работали. При живом стороже, хотя и пьяном, при наличии забора, хотя и деревянного. Сторожа, кстати, мы в камере десять часов продержали, выпытывая правду. Но когда узнали, что он каждую ночь нажирается до отключки, выпустили.

В час дня я подошел к станции метро. Она у нас на территории единственная, в десяти минутах ходьбы от отделения. Слава стоит возле книжного развала, изучая томик Кафки. Это сурово.

Евгению должно льстить, что его барабан убогим бестселлерам предпочитает мировую классику. Хотя на мой сугубо практический взгляд, первое от второго отличается количеством минут от начала чтения до момента засыпания.

— Кафка — ложь, но в нем намек... Здравствуйте, Вячеслав.

Источник вздрагивает, возвращает Кафку на фанерный лоток и идет к небольшому скверу, радуящему глаз молодой листвой.

— Значит, есть ст'емная тема, — он сразу, по-деловому приступает к делу, — па'у недель назад Анд'юша Большой Се'ежу Маленького на гуманита'ную помощь 'азвел. Чисто конк'етно. Большой в Голландии пару машин с лека'йствами выклянчил, якобы в помощь же'йтвам землет'ясения. А здесь Маленькому толкнул за пол-лимона зеленки. Маленький начал ба'ыгам втюхивать, уже за два, а те п'ове'или и отказались. Лекарства п'ос'очены. Ст'елку забили, Большой пальцы стал гнуть, ничего, мол, не знаю, у меня не были п'ос'очены, а у тебя вд'уг п'ос'очились. Ко'оче, бабки не ве'йнул. А дней пять назад Маленький в «Альбат'осе» бухал со своими и якобы гово'ил, что этого пидо'а Большого т'акто'ом пе'еедет. А у б'атвы ведь как заведено — пушку достал, ст'еяй, п'о т'актол сказал — дави. Иначе не авто'итетно.

— У какой ботвы? — не понял я.

— Да не у ботвы, а у б'атвы, — рассказчик сцепил ладони в дружеском пожатии.

Я пытаюсь в ускоренном режиме обработать полученную информацию. Из перечисленных названий знакомо только «Альбатрос». Кабак второсортный на той же Корытной. Я там еще не был, но слышан. Что касается Большого и Маленького, то это ассоциируется исключительно с платным заведением на выходе из сквера. Но признаков некомпетентности я, разумеется, не подаю.

— Послушай, а ты сам-то откуда про все это знаешь? Не сидел ли ты в «Альбатросе» случайно? С Маленьким?

— Нет, отвечаю! Деваха у меня там знакомая работает, она этот базал слышала.

— До Большого эти угрозы дошли?

— П'о т'актол не знаю, а то, что за такие кидалова башню полагается снимать, и так ясно. А Маленький словами з'я не